

* Н * В * П *

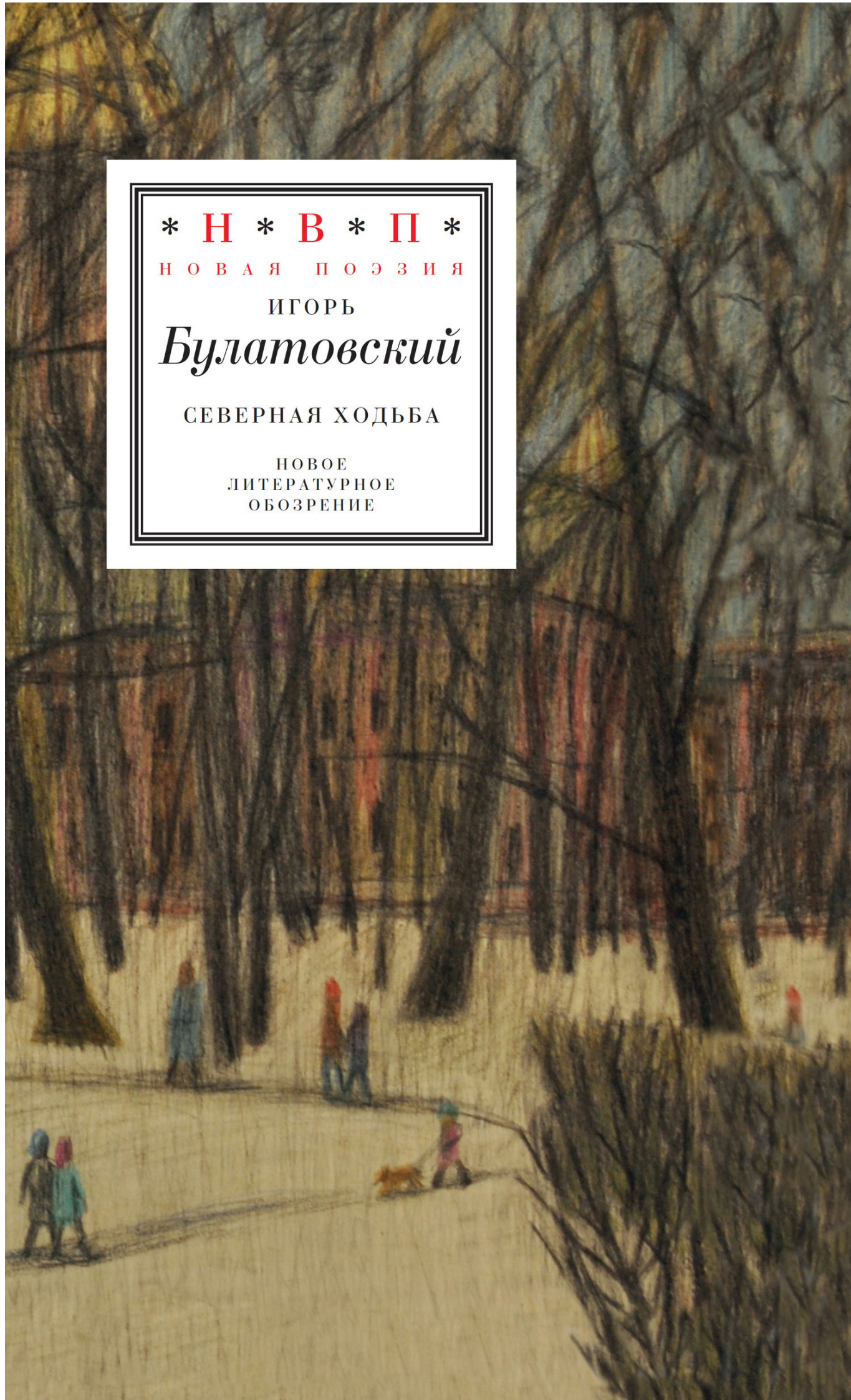
Н О В А Я П О Э З И Я

ИГОРЬ

Булатовский

СЕВЕРНАЯ ХОДЬБА

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

Новая поэзия (Новое литературное обозрение)

Игорь Булатовский
Северная ходьба

«НЛО»

2013-2017

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

Булатовский И. В.

Северная ходьба / И. В. Булатовский — «НЛО»,
2013-2017 — (Новая поэзия (Новое литературное обозрение))

Игорь Булатовский (р. 1971) – поэт, критик, переводчик, автор семи книг стихов, лауреат стипендии Губерта Бурды для молодых поэтов из Восточной Европы (2005), стипендиат Фонда Бродского (2017), финалист Премии Андрея Белого (2010, 2018). В сборник «Северная ходьба» вошли три книги И. Булатовского, написанные в 2013–2017 годах: «Северная ходьба», «Родина», «Немного не так». Живет в Санкт-Петербурге.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

© Булатовский И. В., 2013-2017
© НЛО, 2013-2017

Содержание

Предисловие	6
Северная ходьба	9
«Такие дома – у Рихарда Васми...»	9
«Свет есть, и звук, но только нет ни слова...»	10
«Просто разговор, а не разговор...»	11
«Свет преломляется как хлеб...»	12
«Всё это кружево на быстрых злых коклюшках...»	13
«Шарканье жестяной лопаты...»	14
«Утоптан снег, деревья голы...»	15
«По маленькой бы еще небесного огня...»	16
«Какие черти детские, кривые...»	17
Северная ходьба	18
1. Метель	18
2. Снеговики	18
3. Северная ходьба	19
4. Дворники	20
5. Собака	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Игорь Булатовский

Северная ходьба

Три книги

© И. Булатовский, 2019

© А. Житенев, предисловие, 2019

© Ф. Булатовский, фото, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

* * *

Предисловие

Три книги Игоря Булатовского, объединенные под одной обложкой, связывает попытка осмыслить свое «я» в его неуникальности, в насадных и травестийных сходствах с другими. Поскольку же точкой отсчета оказывается словесная реальность, поиски аутентичности приводят к переоформлению связей слов и вещей, к радикализации стиховой формы.

Валерий Шубинский, говоря о Булатовском, отметил, что это поэт «слова как такового», и «новая реальность растет у него не из зауми, но из речи о речи о речи»¹. Применительно к «Северной ходьбе» эта формула кажется особенно справедливой, поскольку каждый новый шаг к реальности связан здесь с рефлексией над словом, с пересмотром параметров высказывания.

«Что делать буквам в звучной пустоте, / когда нет слов, а если есть, – не те?» В любом слове-имени возникает соблазн увидеть «всё ы да ы», а «темную вещь вещей» связать с ускользанием от обозначенности: «Всё бестолку, без толку, бестолково, / всё – тычась мордой в разные углы, / всё – слизывая со слезою слово, / со вкусом пепла, с привкусом золы».

«Движение к себе, к полной свободе дыхания», о котором писал применительно к поэту Олег Юрьев², в «Северной ходьбе» связано с использованием разных способов «разлитературить» текст. Сложное высказывание, как и прежде, находится в разладе с «простой песенкой»³, но этот разлад многократно усилен осязаемым присутствием небытия, запахом «беды».

«Хорошо о смерти говорить / в сорок лет хорошими стихами». «Хорошо», поскольку это возможность пережить свою соразмерность ей, осознать, что «что уже не быть – немного можно». В цикле, давшем название книге, «саувакявели» – именование любой «возни в мире людей» в условиях исчисленности своих возможностей, «первенство не за лавр, так хоть за порей».

«Сжавшийся» мир связан, однако, не только с метафизикой возраста, но с «зимней» свернутостью реальности: «и сжимается тесно, / до сна, до чуда, / всё, что там осталось до божьей ночи». Это «сужение» имеет отношение и к поэтической речи: «Есть странные сужения пути, / когда вперед протиснуться лишь буквой / и можно, только звуком – и войти / туда, где каждый звук уже не звук».

Но «Вой», «лай» и язык на крюке – это последний предел развоплощения слова; в книге ему противостоят другие состояния речи – «переплетенность» и «исколотость»: «Всё чаще в складках воздуха калёные ножи, / всё реже речи редкая основа...» Это «чаще» – «реже» противостоит идеальному, но недостижимому: «чтоб каждый знак был только знака знак». «Переплетенность» связывает и растождествляет вещи: «Если бы не было слов, точней, / не было бы словес, / так бы все не сплелось бы, так / бы все не сплелось». «Исколотость» делает речь подлинной, обозначает границы условности: «Но вместо клавиш – иглы, и один / из ангелов-чертей всем выдает наперстки. / (А кому-то не выдает?..)».

В «Северной ходьбе» звучит «голос, давно ничейный», «раздрызганный на подголоски». Голос, анонимность которого задана обезличенностью телесности: «Смешаться с общим сном и телом, / не отличаться ни на прах / от праха, стать огнем, стать пеплом, / стать солью на слепых губах». «Рябое заплеванное / нечаянное я», «семечка» между «осточек» – формулы включенности в большую историю, осознания своего пребывания в чужой тени: «Тень отца

¹ Шубинский В. Слова и не-слова // Colta.ru. 2013. 12 марта (<http://archives.colta.ru/docs/16118>).

² Юрьев О. И т. д. // Октябрь. 2004. № 6 (<http://magazines.russ.ru/october/2004/6/ur8.html>).

³ Формула С. Стратановского из серии отзывов о поэзии И. Булатовского // Воздух. 2014. № 2-3 (<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2014-2-3/bulatovsky-opinions/>).

ложится на траву / и растет под ветром понемногу, / где-то в ней и я еще живу». Об этих родовых связях и «дневниковом» освоении общего опыта – книга «Родина».

Как уже было отмечено, эти «стихи о мемуарах», в которых заново переживаются «любовь, советское детство, музыка, ужасы гражданской смуты, собственное тело», на фоне уже написанного Булатовским новы прежде всего своей повествовательностью⁴ и «жесткостью интонации», открывающей за уже освоенной реальностью другую – «чужую в антропологическом смысле»⁵. Чуждость связана здесь с редукцией смысла, начинающейся с обесценивания тела и захватывающей все в мире: «Это сидящее на табурете, мокрое, задышающееся тело / могло бы лежать как обертка или пластиковый пакет / где-нибудь под кустом». Именно бесценность побуждает «оплакать каждую вешку нежности, каждое соцветье слабости», найти слова для «текучей, продуманной пыли».

«Пыль» и «кожа» в контексте книги противостоят «ветру» и «кости»: лишенное субстанциальности и плотское находится в оппозиции к твердому и «спиритуальному». При этом каждый из элементов может оказываться в разных смысловых рядах. «Кость» – это и ветер, и «кость звука», и «костный мел слов»; «пыль» – «душистые зерна» тел, «порох разлук», «посев мучинок ума».

Областью пересечения этих рядов предсказуемым образом оказывается слово – одновременно и смертное, и бессмертное. Смертное, поскольку разделенное на «звук и звяк звука», бессмертное, ибо способное быть «звуком и огнем». В этой двойственности – апология поэтической неудачи как свершения: «Не бойся, – говорит Верлен, – / однажды все обязательно не получится». Мир не «звонких», а «гулких» звуков, «звуковой сад», созданный «кимвалом и медью», вызывает интерес к десемантизированной речи. Важно не содержание надписи, а ее графика и звуковая оболочка: «Все дело в самих буквах, конечно, в шрифте»; слово стремится стать «звуком, полным и чистым», и только так оно вполне «словесно».

В первой части книги появляется мотив остановившегося времени, замкнутости в череде повторений: «Все неподвижно, как стрела Зенона». С желанием перемены связано стремление «заблудиться в дереве», найти в нем «говорящую дверь»; прочитать знак, скрытый в книге земли, «за известковой запятой, / за аммонитом». В разделе «Немного не так» это стремление кажется исчерпавшим себя. Мир видится вполне определившимся в своих смысловых измерениях, и возможность нового связывается не с обретением другой системы координат, а с перепределением значений: «Слов-то всего пять или шесть. / Свет. Ветер. Тень. Камень. Трава. / Ну, бог. В этом „ну“ он и есть. / Круглые смешные слова».

В образном решении этой части книги такое переопределение связано с переворачиванием направлений и связей: «свет стоит на голове», «все нормально, все не так», и потому здесь совершенно естественны «зажмуренность» и «ослепленность»: «Зажмурься. Ну и что видишь? / Пошмерцивает вода»; «У тебя заклеены льдом глаза / сделают в шеоле из них сапфир».

Если в начале книги зеркальность была способна вбирать в себя мир, то в ее конце зеркало уже ничего не может отразить. Душа, «скиталица и тела гостя», рисуется исключительно в пародийных тонах: «душка поблядушка побирушка», «дрянь, дурында, побрякушка». Это не способное прорасти «зерно», начитавшееся «евангелия от лука», «мокрая кровь морок морква морковь».

«Что скажешь этим дням в ответ, / всей жизни милой, непотребной, / румяной, жирной, соlexлебной? / Ведь что-то надо, кроме «нет». В заключительной части книги искомое

⁴ Отзыв В. Шубинского из серии отзывов о поэзии И. Булатовского // Воздух. 2014. № 2-3 (<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2014-2-3/bulatovsky-opinions/>).

⁵ Оборош Л. Рец. на кн.: Булатовский И. Смерть смотреть. Ozolnieki: Literature Without Borders, 2016 (<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2017-1/hronika/>).

«нет»-«да» складывается из совокупности разных ответов, так или иначе связанных с мыслью об избытии бытия: «Еще лет пятнадцать. И что же нам / делать в эти пятнадцать лет?»

Согласно бодлеровской формуле, появляющейся в третьей части книги, «всё бездна: действие, желание, грёза, слово». «Северная ходьба» Булатовского – попытка освоить эту мысль, вписав ее в свои смысловые ряды. Итогом этой работы оказывается разомкнутое пространство стиха, новый поэтический воздух: «остановка, рай печали, / передышка, новый звук».

Александр Житенев

Северная ходьба 2013–2014

Памяти Натальи Горбаневской

«Такие дома́ – у Рихарда Васми...»

Такие дома́ – у Рихарда Васми,
кубики мягкие, гуашевые,
стоят на канале, а мы вместе с вами
мимо них прогуливаемся важно так.

У них все рамы как будто выставлены
то ли взрывом, то ли Главным Оконным Мастером,
но это не дыры, а счеты истины,
костяшки, отщелкиваемые Майстером

Экхартом: это не это и то не то...
Оттого из них никто и не выглядывает,
хотя костяшки лучше, чем решето,
лучше взгляд косточки, чем и рядом нет

взгляда, лучше – вишневой, черешневой,
сливовой, фиговой, все равно, фиго́вой,
лучше – апофатически всё отнечивать,
а потом придачивать всё по новой,

гуляя мимо красных, зеленых и желтых кубиков
и пересохших каналов, и буксиров Рихарда Васми,
мимо схематичной и редкой публики,
мимо шелестящих с утра сутр Вясы.

«Свет есть, и звук, но только нет ни слова...»

Свет есть, и звук, но только нет ни слова
сказать, какой там свет, и цвет, и звук
всё начинают засветло, всё снова,
во тьме еще, с короткого тук-тук,
стеклянного тук-тук в бутылочку Моранди,
чуть розовую, серую почти,
хранящую слова, как будто бога ради,
стоящую у света на пути.
В бутылочном письме, размытом до агонии,
гонимом только пылью световой
никто не разберет, где звук, а где огонь, и
все ищут слово в розе ветровой.

«Просто разговор, а не разговор...»

Просто разговор, а не разговор –
ы одно, закадычное,
простое, как пот из пор,
и такое же неприличное,
и такое же общее, вот бы так,
как немой дурак,
называть все вещи по имени
одному и тому же – всё ы да ы,
ничего не брать из пустой головы,
только то, что взято из вымени.
Всё – в молочном родстве,
в милом поте лица,
всё в труде умирающем, вечном,
всё друг с другом на ы
и другого лица
нет и не было в рёчнике млечном.

«Свет преломляется как хлеб...»

Свет преломляется как хлеб,
только с кем преломить его,
чтобы стал он горек, черств и слеп,
чтобы не взять с него ничего,

чтоб стало серенько, как есть
в общем каждому дню и так,
но неразделённо, и не съесть
в рыло одно этот хлеб никак...

Вот так и мы туда одни
шли втроем, но один из нас
третьим был, а мы, как эти дни,
были – их каждый серенький час.

Так и оттуда мы вдвоем
шли одни, но меж нами свет
был уже поделен, и огнем
черствым царапал в гортани: да.

«Всё это кружево на быстрых злых коклюшках...»

Всё это кружево на быстрых злых коклюшках
старухи голые плетут
и заплетают в разных завитушках
напрасный вдох, напрасный выдох, там и тут,
и между этим выходом и входом,
по холодку цементному шурша,
идет на бой с набыченным уродом
афинский мальчик – смуглая душа.

«Шарканье жестяной лопаты...»

Шарканье жестяной лопаты
по льду: шарк, шарк, шарк.
В семь утра, чем богаты,
тем и рады шуршать
эти поскребыши ночи
в мягком еще мозгу,
как шаг слуховых отточий
вместо слов «не могу» –
ни спать уже, ни проснуться,
только просунуться мозгом туда, где
под ударами секундного кнутца
шаркает жесь по мертвой воде.

«Утоптан снег, деревья голы...»

Утоптан снег, деревья голы,
кора внизу от сырости черней.
Как в старших классах средней школы,
все больше длинных серых дней.

И человек сезона просвещения
подсматривает правильный ответ:
движенья нет, есть только приближенья,
ученье – тьма, а неученье – свет.

«По маленькой бы еще небесного огня...»

По маленькой бы еще небесного огня,
чтоб сердцу стало холоднее,
чтоб дымчатые края, друг в друга прозвения,
сомнений не оставили бы на дне и
опять наполнились отчужденным пайком
того, чье сердце стало льдинкой,
кто с этой песней больше незнаком
и водится с колючей сонатинкой
там, где на всех – единственный клавесин,
и все к нему подносят звуков горстки,
но вместо клавиш – иглы, и один
из ангелов-чертей всем выдает наперстки.
(А кому-то не выдает?..)

«Какие черти детские, кривые...»

Какие черти детские, кривые
качают эту лодочку-печаль!
Какие у нее уключины кривые,
и всего-то им жаль, и всего-то: им жаль!

И всех делов-то: прохунилось днище,
и маленькая трещина слезит
февральский день, уже не день, а днище,
и сколько в нем поместится обид!

И сколько еще останется места
для местных радостей – для ветра и воды,
для их морского «тили-тили-теста»,
для их земного «растуды»!

Северная ходьба

1. Метель

Тихо так, что щелкают позвонки:
тишина тебе сворачивает шею,
и ты оборачиваешься.

Снежинки стучат в теплые виски,
им в конусе под фонарями страшнее,
вот и мельтешат они всюду.

Сова на ветке лицом ли, спиной
сидит; из головы две веточки торчат,
сидит и кряхтит гудко: э-э, э-э,

Плохо ей в этот снегопад одной,
а может, хорошо, совсем наоборот,
как, наоборот совсем, – тебе.

Летела стая... Совсем не про них:
зимой они всегда одиночки. Сов семь,
может, наберется иногда

осенью – лететь к нам сюда, «на юг»,
за мышью. Нынче здесь мышь под снегом совсем
и ходит под снегом по ходам,

так что приходится ловить и птиц.
Сова взлетает и кружится с метелью,
потом снова садится на ель

и сливается совсем наконец
со всем: с ночью, белой от снега, и с елью,
а ты влюбленно глядишь в метель.

2. Снеговики

Сёмы в такую погоду на прогулке
лепят снеговиков: отец – нижний ком,
мать – средний, а верхний ком – ребенок.

Звуки в это время не звонки, а гулки,
снег не скрипит, а хрустит под каблуком,

но детский смех по-прежнему звонок.

Потом снеговики стоят одиноко
и смотрят шишечками, как всё темней.
Пробегают собаки, метят их.

Наутро они почти все раскоканы
и лежат грудой сероватых камней
в желтых многослойных отметинах.

Собаки их любят, а люди скорей нет.
Приходят дети и бродят в руинах,
будто ищут что-то. Их головы?

И кто-то вдруг находит и в руки берет
безглазый, безносый череп любимый
и ставит на останки тулова.

3. Северная ходьба

Впереди – старуха с двумя лыжными палками,
позади – старик, в три погибели, с клюкой.
Такая у них нордическая ходьба.

Она не смотрит назад, он – вверх, валкими,
но шаткими шажками держа прямой
курс, по которому ведет Судьба.

Вот уж и впрямь «саувакявели», оба
скорей идут, чем идут скорей; скорей
ковыляют, чем идут. Палкоход –

зимняя форма надежды, спорт у гроба,
первенство, не за лавр, так хоть за порей,
за первинки, за родной огород,

который сейчас под снегом, ему тепло,
а им не холодно, но и не жарко;
так и должно быть спортсменам зимой.

У старика под носом не пот, а сопли,
но так и должно быть, соплей не жалко,
жаль старуху и хочется домой,

в кисло-сладкий, густой, предпоследний воздух,
к надбитому кубку и блюдцу к нему,
к некрепкому, несладкому чаю.

Но пяточки палок сверкают как звезды,
но Фрейя к смертному Оду своему
не повернет главы отчаянной...

4. Дворники

Я работал дворником четыре месяца
в парке Лесотехнической академии,
меня учили мести опавшую листву «волной».

Я вставал в пять утра и шел к метро вместе с
рабочими, отличаясь от их племени
мешком из полиэтилена – нужен был холстяной.

Потом наступила зима, и стволы в парке
светились изнутри голубоватым светом.
Однажды меня окружила стая собак...

Потом это все надоело моей Парке,
и я сломался на колке льда, но при этом
насмотрелся на утро и растущий из утра парк.

Поэтому я и понимаю дворников,
пусть они иногда не понимают меня,
и в труде им куда больше помогают машины,

но стоит услышать шарк лопаты, корни слов
становятся пятнами голубого огня
и тянут в себя сытную снежную мочажину,

и наступает утро, и лом говорит «цок»,
и лед отвечает «коц», и лежит, покоцан,
и оранжевая спецовка на ветру будто флаг,

и матюги старшей дворничихи идут впрок
этому медленному свету, и в окно сам
он ползет, нещедрый, но от каких-то там тайных благ.

5. Собака

Моя собака скоро умрет, и я
закончу шестнадцатилетнюю прогулку
в парке имени академика Эдгара По.

В детстве мы называли его «поля»,
здесь плохо растут деревья, и мало толку
от новых посадок (торф), и отвести слабó

«полюстровские ключи». Этой водой,
богатой железом, Кушелев-Безбородко
лечил всех желающих, пользовал теплым душем.

Теперь только ржавые пятна весной
на старой траве и новой, лезущей кротко,
напоминают об этом: Мусина-Пушкина

продала эти места Брусницыну,
а тот настроил дач... Здесь лучше всего зимой.
Летом тоже неплохо, но повсюду шашлыки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.